

С.Ф. Ударцев, доктор юридических наук, профессор,
директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства КазГЮУ,
г. Астана, Республика Казахстан

ИЗ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ФРАНЦИИ

Ключевые слова: Франция, конституционная эволюция, монархия, республика, Великая Французская революция, реформы, политические силы, просветительство, революционный демократизм, консерватизм.

Устойчивость конституции зависит от многих факторов. В эпоху крупных реформ и особенно революций, когда контрастно обозначается раскол на противоборствующие социальные группы, противоречия между которыми достигают предельного обострения, общество эмоционально возбуждено, и эмоции часто перехлестывают через край, перевешивают здравый смысл. Компромиссы становятся в какие-то моменты труднодостижимыми или вообще на какое-то время невозможными, конституции – максимально неустойчивыми, во многом формальными и символическими регуляторами, временно отходящими на второй план.

Каждая новая политическая сила, оказавшаяся на гребне волны исторических событий, как правило, стремится спешно утвердить свое собственное видение конституции как соответствующее, по ее мнению, интересам всех, а фактически – интересам данной социальной группы, партии и ее союзников. Как правило, доминирует текущая политика и выраженные в ней интересы, реализуемые в определяемом политикой направлении развития законодательства и происходящих в нем изменениях, а также в политической и правовой идеологии, объясняющих и обосновывающих, продвигающих и корректирующих изменения законодательства и процесс правоприменения.

Каждая ступень исторического развития в таком случае представляет собой прерывистый контрастный фрагмент, который во многом не имеет органичной связи с предшествующим и последующим фрагментами (ступенями развития). В условиях очередного исторического рывка развития начинает преобладать нарастающая идеология отрицания, разрыва связи и преемственности. Смена власти в переходные исторические периоды каждый раз как бы проводит резкую черту между тем, что было до этого, и тем, что будет теперь. Официальная политическая идеология склонна абсолютизировать текущий момент, признаваемый тем будущим, той правдой

и справедливостью, ради которых, как считается, все предшествующее и происходило.

В Европе борьба вокруг конституции нередко велась между меняющимися по своему составу в разных исторических ситуациях: сторонниками усиления и ослабления власти, расширения и уменьшения индивидуальной и общественной свободы; приверженцами власти народа, отдельных социальных групп, его составляющих, или аристократии, политической, промышленной, финансовой элит; сторонниками республики и монархии как моделей формы государства, в различных вариантах которых могут быть реализованы интересы разных социальных групп.

В этом отношении любопытна конституционная история Франции – одна из наиболее ярких страниц динамичного развития конституции в мировой истории, с широкой амплитудой изменений форм государства, быстрой эволюцией содержания прав и свобод граждан.

Накануне и во время Великой французской революции конца XVIII в. выдвигались различные концепции исторического развития, давались разные оценки смыслу, значению и духу законов Франции. Оценки менялись от поколения к поколению в зависимости от принадлежности к разным социальным слоям и партиям, от стадии революции. Постепенно в обществе накапливался критический потенциал как следствие дальнейшего обострения неразрешаемых противоречий.

Известная фраза «Государство – это я» Людовика XIV (1638–1715; король с 1643 г.), более 72 лет находившегося на престоле, сторонника идей абсолютной и божественной власти королей, со временем стала в общественном сознании символом недооценки роли народа как источника власти, пренебрежения им, свидетельством королевского произвола, который требуется конституционно ограничить.

Идеи преобразований во Франции зарождались осторожно, постепенно, чтобы обрушиться позже лавиной на подготовленное к переменам общество.

Великий французский просветитель Шарль Луи Монтескье в своем выдающемся и не утратившем значение труде «О духе законов», посвященном вопросам сравнительного правоведения, истории и философии права, заметил: «Если бы я мог сделать так, чтобы люди обрели новые основания полюбить свои обязанности, своего государя, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту, – я счел бы себя счастливейшим из смертных. Если бы я мог сделать так, чтобы у тех, которые повелевают, увеличился запас сведений относительно того, что они должны предписывать, а те, которые повинуются, нашли новое удовольствие в повиновении, – я счел бы себя счастливейшим из смертных» [1]. Монтескье поддерживал максимальную осторожность в изменениях государственных порядков. Предлагать вводить какие-либо изменения в них, полагал он, «имеют право только те лица, которые получили от рождения счастливый дар проникать одним взглядом гения всю организацию государства» [2].

В середине XVIII в., почти за 40 лет до Великой французской революции Д. Дидро размышлял о необходимости ограничения государственной власти, ее границах с учетом исторического опыта и основ религии. «Истинная и законная власть неизбежно имеет свои границы. В Писании сказано: "Да будет ваша покорность разумной", "всякая исходящая от бога власть есть власть, установленная богом". Именно так следует понимать эти слова – в их прямом значении и в буквальном смысле, а не так, как их толкуют из низости и лести, будто любая власть от бога. Разве нет несправедливой власти? Разве не случается, что власть бывает установлена не богом, но вопреки его воле и порядку? Разве бог творит узурпаторов? Нужно ли покоряться преследователям истинной религии? Будет ли законна власть антихриста? (Спрашиваем, дабы заткнуть рот глупости)» [3].

В условиях монархической Франции Д. Дидро, следуя общей традиции политической философии Просвещения, подчеркивал договорный характер природы основных законов государства об организации системы высшей власти: «Власть свою государь получает от своих же подданных, и она ограничена естественными и государственными законами. Естественные и государственные законы – это условия, на основании которых подданные подчиняются или считаются подчиненными государю. По одному из этих условий он не может своей властью уничтожить акт, или дого-

вор, согласия. Он поступил бы тогда во вред себе, поскольку его власть только и может существовать на основании учредившего ее договора. Кто отменяет одно, разрушает другое. Следовательно, без согласия нации и независимо от обусловленного договором выбора государь не может распоряжаться своей властью и своими подданными. Если он поступит иначе, все должно аннулироваться; он будет освобожден по закону от своих обещаний и принесенной им присяги (подобно несовершеннолетнему, не понимающему своих действий), поскольку он решил распоряжаться тем, что ему было дано лишь на время и с обязательством возврата, словно это была его полная и безусловная собственность» [4].

По мнению Дидро, это общее правило распространяется и на монархическое правление: «Власть, даже наследственная, в одной семье находящаяся в руках одного, является не частным, но общественным достоянием, которое тем самым никогда не может быть отнято у народа, ибо он один обладает им преимущественно и с правом полной собственности. Именно он всегда заключает договор и является его участником, следящим за его выполнением. Не государство принадлежит государю, а государь – государству. Однако государю надлежит управлять государством, ибо он и был избран для этой цели. Он дал обязательства народу управлять делами, а тот со своей стороны обязался повиноваться ему в соответствии с законами» [5].

Д. Дидро признавал, что условия общественного договора могут быть различны в разных странах, что, видимо, объясняло и оправдывало, с его точки зрения, существование разных форм государства в странах мира. В то же время он считал, что народ является постоянной стороной в этом общественном договоре, а правители, династии и т.д. – переменной стороной. В связи с этим, по Дидро, народ вправе оберегать договор, следить за его соблюдением. Когда договор теряет силу, народ становится свободным от прежнего договора и вправе «заново заключить его с кем угодно» [6].

Средство соблюдения общественного договора, по Д. Дидро, – соблюдение законов государства, действие власти на основе законов, защита прав и свобод. «Соблюдение законов, охрана свободы и любовь к родине – вот плодотворные источники всех великих деяний и прекрасных поступков. В этом залог счастья народов и истинная слава управляющих ими государей. Тогда покорность похвальна, а господство величественно» [7].

Один из будущих лидеров якобинского этапа Великой французской революции Луи Антуан Сен-Жюст, в те годы еще малоопытный политик-дилетант, пишет в 1790–1791 гг. трактат «Дух революции и конституция во Франции». Подводя итоги изучению законов Франции, он признавал, что не может, как Монтескье, сказать, что нашел бесконечное множество доводов для повиновения. Изучив законы, писал Сен-Жюст, он нашел в них много такого, что убедило его «повиноваться лишь собственной добродетели» [8].

Примерно в это же время, исследуя с позиций либерализма пределы государственной деятельности, формы и методы ее осуществления, Вильгельм фон Гумбольдт рекомендовал придерживаться *эволюционных, а не революционных* форм деятельности. «Собственно, государственные перевороты, – замечал он, – изменения в устройстве управления никогда не являются возможными без совпадения многих и весьма часто случайных обстоятельств и всегда ведут за собою разнообразные вредные последствия. Между тем расширять или ограничивать пределы своей деятельности тихо и незаметно может всякий правитель – будь то в аристократическом, монархическом или демократическом государстве; он достигает своей цели тем вернее, чем более избегает всякой выдающейся новизны» [9].

Против идей французских революционеров с консервативных позиций выступил в 1789 г. и английский мыслитель Эдмунд Бёрк в своей работе о революции во Франции. Зная историю Английской революции, ее трагический опыт, а также то, чем все это завершилось, он надеялся сообщить французским революционерам вероятные итоговые результаты их деятельности, помочь заглянуть в будущее, предостеречь от возможных ошибок. Он полагал, что естественные постепенные изменения и работа над нравственным усовершенствованием – основа прогресса. Революционные же действия и революционную идеологию Бёрк рассматривал как следствие заблуждений людей, надеющихся по своей собственной модели в короткий срок устроить общество лучше, чем это сделала история и коллективное сознание за целые столетия. Называя законодательство искусственным правом, а ученых-юристов профессорами искусственного права, он признавал, что они извратили естественное право в том смысле, что все споры в значительной мере ведутся не по предмету спора, а по употребляемой терминологии и о соблюдении процедуры. Выигрывает юридический спор, считал он, нередко не тот, кто по справедливости должен восстановить или за-

щитить свои права, а тот, кто нанял более ловкого и изощренного адвоката, лучше умеющего создавать и выигрывать дискуссии по терминологическим и процедурным вопросам. Столь же искусственны, по его мнению, и государственные формы, произвольно и спешно моделируемые людьми для осуществления свободы. «Несколько видов правления соревнуются, – писал он в одной из своих работ, – друг с другом в абсурдности своего устройства и угнетения, которое они принуждают претерпевать своих подданных. Какие бы формы они ни принимали, на поверку все они оказываются деспотизмом и очень скоро превращаются – и по внешности, и по последствиям – в жестокую и презренную разновидность тирании» [10].

Критика революции не останавливала революционеров и мало чему их научила. Три мощных революционных волны, следующих одна за другой с небольшим интервалом и смывавших своих предшественников с исторической сцены, радикально обновили Францию, сознание французов и оказали значительное влияние на мировую историю как классический пример революции данного типа.

В то же время даже в условиях диктатуры и революционного террора политическая мысль не забывала о неизбежности послереволюционного конституционного развития. Характерный пример в этом отношении – концепция лидера якобинцев, адвоката Максимилиена Робеспьера о революционном и демократическом, конституционном правлении. Признавая, что конституция имеет определенные ограничения и старая конституция не может служить развитию нового общества, М. Робеспьер был убежден в том, что конституция может быть заменена в такие исторические ситуации естественным правом: «Ее заменяют законы природы; ее заменяет закон, являющийся основой самого общества и народного блага» [11].

Он был убежден, что революция должна подготовить последующее конституционное правление, создать для него возможности и условия. Чтобы «создать и упрочить среди нас демократию, чтобы достигнуть мирного господства конституционных законов, – заявлял Робеспьер, – нужно покончить с войной свободы против тирании и благополучно пройти сквозь бури революции – такова цель революционной системы» [12]. Первым правилом политики революционного правительства, говорил он, «должно быть управление народом при помощи разума и врагами народа – при помощи террора» [13]. При этом

террор революционного государства, по мнению его идеолога XVIII в., «есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость» и в этом отношении «является проявлением добродетели», а «революционное правление – это деспотизм свободы против тирании» [14]. Революционное правление, по Робеспьеру, имеет задачи осуществить революцию, победить ее врагов, в том числе с помощью революционного террора, а демократическое и конституционное – обеспечить законное прогрессивное развитие страны на основе законов и конституции.

История Франции последних двух веков дала богатый опыт создания и утверждения разнообразных конституционных документов, с оглядкой на которые предпринимались попытки конструирования системы законодательства.

Народное восстание и начало революции с падения Бастилии в июле 1789 г. стали символом утверждения свободы и прав человека, что должно было быть закреплено в конституционных актах Франции и в двух различных по содержанию и социально-политической ориентации Декларациях прав человека и гражданина 1789 и 1793 гг.

Декларация конституционалистов (1789 г.) была ориентирована на формальное юридическое равенство (как позже и правовая часть программы партии кадетов в России). В отличие от нее Декларация якобинцев (1793 г.) была больше нацелена на обеспечение фактического равенства граждан в интересах более бедных социальных слоев (как и программы левых партий в российской революции начала XX в.).

В период классической завершенной, прошедшей все основные этапы в своем развитии Великой французской революции были приняты конституции от 3 сентября 1791 г., от 24 июля 1793 г., от 22 августа 1795 г. и, наконец, наполеоновская Конституция от 13 декабря 1799 г.

Первая писаная Конституция Франции – Конституция 1791 г. – была Конституцией королевства Франции. Правда, король утвердил Конституцию под угрозой низложения. Имущественный ценз ограничивал права большинства населения. Из 24 млн чел. населения статус активных граждан получили лишь 4,3 млн. Из числа избирателей были исключены все женщины и мужчины до 25 лет. Адвокат Камилл Демулен заметил, что введенные цензы ведут к созданию аристократической власти. И если бы были живы Руссо, Мабли, они не стали бы депутатами [15].

Естественно, такие осторожные преобразования в условиях разворачивающейся революции не могли ее остановить и удовлетворить

общество. Полумеры не спасли монархию. Продолевающий кризис, крестьянские волнения, военная агрессия Австрии и Пруссии вели к углублению неразрешенных до конца противоречий. Большое значение для запуска механизмов дальнейшего развития революции имел и расстрел 17 июля 1791 г. на Марсовом поле безоружной демонстрации парижан – противников монархии, собравшихся для обсуждения и подписания петиции, осуждающей монархию. Тогда погибли 50 чел. На следующий день Учредительное собрание приняло решение о судебном преследовании демонстрантов [16]. Началась поляризация политических сил.

Вторая Конституция 1793 г. в условиях иностранной военной интервенции не была введена в действие. В дальнейшем работа по подготовке введения ее в действие привела в процессе развития новых политических событий к реорганизации ранее созданной комиссии и принятию 22 августа 1795 г. фактически новой Конституции Франции. Из нее были исключены право на восстание и на сопротивление угнетению, отсутствовали положения о социальных правах [17].

Революция, как многоступенчатая ракета, «отстреливала» отработанные «ступени», «разгонные блоки»: конституционалистов сменили группы жирондистов, а их – якобинцы. События развивались стремительными рывками и по нарастающей: свержение монархии как один из внешних символов революции и временное введение республики завершились при Наполеоне Бонапарте установлением империи. Сначала шло волнообразное расширение социальной базы революции, вовлечение в нее все новых и новых, более демократичных социальных сил, пока она не охватила практически всю массу населения, заинтересованного в переменах и расширении прав и свобод. Затем, когда основные исторические задачи революции были решены и она даже начала «выплескиваться из берегов», которые ей были отведены исторической необходимостью, включились механизмы социальной стабилизации, торможения. Представители крупного банковского, мануфактурного, торгового капитала потянулись к Бонапарту. Они льнули к нему, зная, какие выгодные сделки можно заключить с этим генералом, тем более в условиях, когда правительство издало декрет о невыгодном им принудительном займе [18]. В первые же дни после переворота Бонапарта от 18 брюмера (17 ноября 1799 г.) парижская биржа позитивно отреагировала значительным ростом стоимости ценных бумаг. А через неделю на совещании у Бонапарта

крупнейшие банкиры подписали обязательство об авансе правительству 12 млн франков [19].

Через несколько лет США купили у Франции громадную территорию в Америке – Луизиану, удвоив территорию страны, превратив ее во вторую по размеру страну мира после России и обеспечив Бонапарта дополнительными средствами для ведения военных кампаний в Европе, в том числе позже и с Россией [20].

Оправдывая свои действия, Бонапарт заявлял, что с помощью революционной армии он пытался обновить и создать новую Европу, устранить старые монархические порядки; в то же время он замечал, что монархов Европы он спас от революции.

Но вернемся к 18 брюмера. Утром в день переворота в ключевых точках Парижа под предлогом смотра были расставлены войска. На экстренном заседании в 7 ч утра членам Совета старейшин от имени комиссии было сообщено о раскрытом «якобинском заговоре». В связи с этим Бонапарт тут же был назначен командующим войсками в Париже и его окрестностях.

Свой незаконный государственный переворот Бонапарт старался провести максимально законными средствами, и первоначально он обратился к парламенту с призывом самораспуститься. После отказа парламента гренадеры очистили помещение от депутатов. Другого пути не оставалось, так как депутаты Совета Пятисот кричали Бонапарту «Вне закона!», что в якобинский период могло означать смертную казнь. При этом Бонапарт велел из числа убежавших депутатов найти тех, кто подписал решение о роспуске Совета Старейшин и Совета Пятисот [21]. Члены Директории, которой в этот период принадлежала значительная власть, были отстранены от власти с помощью переговоров, а некоторые – путем их изоляции. Важную роль в переговорах играл Талейран, сделавший ставку на Бонапарта. Талейрану, кстати, был предоставлен 1 млн франков для «решения вопросов» с одним из членов Директории; эту сумму он не постеснялся оставить у себя, «не успев» вручить адресату [22]. В итоге переворота был установлен временный триумvirат «консулов», а конституция была объявлена отмененной (кроме Бонапарта в триумvirат вошли Сийес и Роже-Дююк) [23].

Вскоре выяснилось, кто является реальным правителем в триумvirате. Роже-Дююк ничего объяснять не потребовалось – его просто выставили. Сийесу, как заметил Б. Тененбаум, через пару дней было «очень ласково сказано: консульские обязанности отвлекают его от более важно-

го дела – составления новой Конституции, и ему лучше сосредоточиться именно на этом, передав хлопоты по мелким каждодневным вопросам людям менее одаренным, чем он сам» [24]. Э.Ж. Сийес, один из лидеров и идеологов революции, до революции – аббат, автор брошюры «Что такое третье сословие?», один из авторов Конституции 1795 г., смог благополучно пережить жирондистов, якобинцев, умея, когда надо, не выявлять свою позицию. Он быстро оценил ситуацию, последовал данному ему совету и сосредоточился на подготовке новой Конституции. При этом Бонапарт дал ему инструкцию: «Пишите так, чтобы было коротко и непонятно» [25]. Сохранилось и иное его высказывание о законах: «Закон должен быть ясным, точным и единообразным, толковать его – значит допускать искажения» [26].

Конституция была готова через месяц, для ее утверждения был назначен всенародный плебисцит, но правительство объявило, что действовать оно начинает немедленно, «дабы не оставлять опасной пустоты и неуверенности» [27].

Сам Бонапарт, считавший, что «случай – единственный законный повелитель во всей вселенной» и что «самый надежный рычаг всякого могущества – военная сила, которая предписывает закон и которую употребляет гений» [28], был уверен, что до настоящей свободы людям еще очень далеко. А раз так, то надо пользоваться иными средствами. Он писал: «Для того чтобы народ обрел истинную свободу, надобно, чтобы управляемые были мудрецами, а управляющие – богами» [29].

После свержения Наполеона I утвердилась конституционная монархия, которая была оформлена дарованной Людовиком XVIII Учредительной (конституционной) хартией от 4 июня 1814 г.

В условиях более спокойного исторического развития изменился и ритм конституционных изменений. Теперь уже не годы, а десятилетия отделяли один этап от другого.

Сменивший в 1824 г. Людовика XVIII король Карл X в 1830 г. попытался провести ряд законодательных и политических мер, направленных на восстановление абсолютной монархии. Это вызвало взрыв недовольства и июльскую революцию, повлекшую смену власти. Новый монарх Луи-Филипп Орлеанский, принадлежавший к «легитимной династии», в новой конституции закрепил конституционную монархию с элементами либерально-демократического режима, но главное – обеспечил политическую монополию финансовой, банковской аристократии. Новый режим просуществовал до революции 1848 г.,

когда оппозиция, представлявшая промышленный капитал, опираясь на мускулы рабочих, восстановила республику. Конституция Второй республики от 4 ноября 1848 г. в декабре того же года привела к посту президента Луи Бонапарта. Через три года, совершив военный переворот, он восстановил империю, что было позже одобрено референдумом. Луи Бонапарт был коронован под именем Наполеона III.

Монархический режим закончился революционной Парижской коммуной (1871 г.), утверждением и последующей эволюцией республиканского режима. С 1870-х гг. (юридически провозглашена в 1875 г.) до оккупации в период Второй мировой войны существовала Третья республика, временно сменившаяся «католическим государством».

Система власти и государственный режим Третьей республики были оформлены тремя органическими (конституционными) законами 1875 г. Первый из законов принимался в обстановке практического равенства сил в Национальном собрании сторонников республики и монархии и был принят с перевесом в один голос. В связи с этим полномочия, статус президента во многом сочетали элементы главы президентской и конституционно-монархической власти.

После Второй мировой войны утверждается Четвертая республика, конституция которой принимается в 1946 г. Составной частью ее с тех пор признается и текст Декларации прав человека и гражданина (1789 г.), как уже отмечалось, ориентированный, в отличие от Декларации периода диктатуры якобинцев, на равноправие, юридическое, а не фактическое равенство.

Возвращение к власти генерала де Голля в 1958 г. привело к реформированию режима республики и созданию Пятой республики. По Конституции 1958 г. (принятой путем референдума) была установлена президентская форма правления с сильной властью президента, имеющего широкие полномочия. Тем самым была найдена

новая модель государственной власти, в какой-то мере синтезирующая некоторые позитивные элементы республики и монархии на новом этапе исторического развития.

Конституция может быть мощным средством защиты и закрепления власти, стратегическим ориентиром государственной системы, адекватной потребностям общественного развития. В то же время она может быть и результатом временного компромисса. В момент происходящих в обществе серьезных политических, особенно социально-политических и социально-экономических революционных изменений прежняя конституция оказывается тормозом развития, препятствием для прорастания нового. В таких условиях встает вопрос об изменении конституции, принятии новой. Подобный поворот в конституционном развитии, поддерживаемый и одобряемый большинством (и особенно силой и пропагандой власти), как правило, признается легитимным. В то же время в иных случаях посягательство на конституционный строй или его институты обычно защищается законами, всей силой государственной власти и может рассматриваться как преступное деяние в случае применения для этого силы или планирования ее применения.

Трудный конституционный опыт Франции, боязнь, что будет хуже, видимо, повлиял в какой-то степени на многих французов в их решении голосовать в 2005 г. против представленного тогда варианта Европейской конституции.

В целом современная конституция Франции – результат длительного конституционного развития этой страны на базе ее политических и правовых исторических традиций. Последующие, в том числе новейшие, изменения конституции Франции были направлены на совершенствование функционирования в современном обществе основных политико-правовых институтов, в частности, Конституционного Совета Франции [30], ее судебной системы.

Библиографический список

1. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье ; сост., пер. и коммент., примеч. автора А.В. Матешук. – М. : Мысль, 1999. – С. 8.
2. Там же.
3. Дидро, Д. Политическая власть / Д. Дидро // История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера / пер. и примеч. Н.В. Ревуненковой ; под общ. ред. А.Д. Люблинской. – Л. : Наука, 1978. – С. 90.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. – С. 97.
7. Там же.
8. Сен-Жюст, Л.А. Дух революции и конституция во Франции / Л.А. Сен-Жюст // Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты / отв. ред. А.В. Гордон. – СПб. : [Б. и.], 1995. – С. 182.

9. Гумбольдт, В. О пределах государственной деятельности. – Серия : Философия свободы / под общ. ред. А. Куряева. – Вып. 1 / В. Гумбольдт. – Челябинск : Социум ; М. : Три квадрата, 2003. – С. 7.
10. Бёрк, Э. Правление, политика и общество / Э. Бёрк ; пер. с англ., сост., вступит. ст. и коммент. Л. Полякова. – М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. – С. 130.
11. Робеспьер, М. Революционная законность и правосудие : статьи и речи / М. Робеспьер ; пер. с франц. Н. Лапшиной ; под ред. и с предисл. А. Герцензона. – М. : Госюриздат, 1959. – С. 144.
12. Там же. – С. 206.
13. Там же. – С. 209.
14. Там же. – С. 210.
15. Цит. по: Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства / В.Г. Графский. – М. : Норма, 2000. – С. 464.
16. Манфред А.З. Великая французская революция. – М. : Наука, 1983. С. 97–98.
17. Грацианский, П.С. История буржуазного конституционализма во Франции / П.С. Грацианский // История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М. : Наука, 1983. – С. 212–213.
18. Ревуненков, В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская республика и ее крушение / В.Г. Ревуненков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 253.
19. Там же. – С. 257.
20. См., например: Ударцев, С.Ф. Политико-правовые взгляды Томаса Джефферсона / С.Ф. Ударцев // Джефферсон Томас. Декларация независимости. Инаугурационные речи / вступит. статья и примеч. –2-е изд., испр. и доп. – Алматы : Жеті жарғы, 2004. – С. 5–26.
21. Тененбаум, Б. Великий Наполеон. «Моя любовница – власть» / Б. Тененбаум. – М. : Яуза ; Эксмо, 2011. – С. 73–74.
22. Ревуненков, В.Г. Указ. соч. – С. 254.
23. Тененбаум, Б. Указ. соч. – С. 73–74.
24. Там же. – С. 74.
25. Там же. – С. 75.
26. Наполеон, Б. Максимумы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза / Б. Наполеон ; пер. с франц. С.Н. Искюля. – СПб. : [Б. и.], 2000. – С. 108.
27. Тененбаум, Б. Указ. соч. – С. 77.
28. Наполеон, Б. Указ. соч. – С. 50–51.
29. Там же. – С. 61.
30. См., например: Малиновский, В.А. Конституционный Совет Казахстана и Конституционный Совет Франции: некоторые грани сравнения / В.А. Малиновский // Право и государство (Астана). – 2013. – №2. – С. 28–31.